

ЭКСКУРСОВОД ВСЕЯ РУСИ

ТЕЛЕГЛАЗ

Такого еще не было! На самые "вкусные" свои вопросы в ответ я слышал вежливое, но необсуждаемое: "Знаете, этого вам тоже не надо касаться". Я взмолился: "Светлана Константиновна! Читатель меня просто не поймет..." Тем более и спрашивал-то я не о чем-то бытовом и приватном. Как говорится, держал дистанцию, ведь искусствовед Светлана БЕСТУЖЕВА для нашего телевидения — явление почти беспрецедентное!

Если бы в России существовала "Телеэнциклопедия", в ней обязательно нашлось бы место для Бестужевой. Случай небывалый: более тридцати лет телевизионный журналист верен одной-единственной теме — изобразительному искусству. И все эти годы она работает в главной программе страны, во "Времени", где прилежно и с любовью рассказывает нам о музеях и галереях, живописцах и скульпторах, а порой и с горечью в голосе о бедах и нуждах российской культуры.

— Вы столько лет в телевизоре, а вот в лицо вас знают едва ли. Скромность?

— Мама очень ругала меня всегда: почему всех показываю, а тебя нет?! Вам фамилия Шахова что-нибудь говорит?

— А как же!
— Хорошо. Мы с ней и сегодня в самых добрых отношениях. Нелюбимая глубоко порядочный человек, что не так часто бывает в нашей жизни... Так вот, какой бы материал она ни делала, она всегда появлялась на экране, а для меня это никогда не было самоцелью. Монтируя сюжет, я старалась побольше показать и экономила на своей персоне.

— Зато у вас голос запоминающийся...

— Был недавно смешной момент. Мы приехали на открытие Третьяковской галереи (программа "Время" серьезно следила за ее реконструкцией, и я горжусь этой эпопеей), а пригласительные билеты я оставила в машине, которую припарковала далеко от входа. А там кордоны: правительственное открытие. Вдобавок холод и дикий дождь. Я подхожу к милиционеру и объясняю: "Телевидение, съемочная группа, билеты в машине, я Бестужева". А он: "Зачем вы мне представляетесь, я вас по голосу узнал, проходите...". Мне было очень приятно. Я знала, что мои сюжеты интересны музейщикам, художникам, учителям, но чтобы молоденькому милиционеру... Меня это греет — я занимаюсь тем, что нужно людям. Ведь понимающих и знающих изобразительное искусство гораздо меньше, чем любящих эстраду или театр... Меня очень любят (тьфу-тьфу-тьфу!) директора музеев, потому что наутро после репортажа на их выставки выстраиваются очереди.

А вот Илья Сергеевич Глазунов Бестужеву любит не очень. Он даже пропечатал ее в своей книжке. Лет восемь назад, говоря "о спекуляции со стороны телевидения", наш классик писал: "Вот есть там такая Бестужева. Ей почему-то пожизненно поручило наше ТВ, возведя ее как бы в дворянский сан, рассказывать о художниках. Так вот она дала сюжет о моей выставке по программе "Время", показав пустой Дворец молодежи, а рассказывая о соседней выставке авангардистов, так сказать, чтобы подтвердить их успех, сняла очередь на мою выставку. Это очень неблагоприятно со стороны Бестужевой. Причем она ловко чувствует конъюнктуру: раньше выступала против авангарда, теперь — за авангард. Новая конъюнктура рождает новые тенденции".

Я не стал цитировать Светлане Константиновне этот пассаж: во-первых, добрых людей много и без меня, во-

вторых, Илья ли Сергеевичу говорить о конъюнктуре?! Но об отношениях с "королями" современной живописи, разумеется, поинтересовался.

— "Короли" на меня жаловались. А я никогда не шла на компромиссы со своей совестью. Глазунов говорит, что меня уважает, но, я знаю, поносит всячески. Или Шилов, например. Когда был бум на их творчество, меня один раз силой заставили поехать к Глазунову. Вы не бывали у него в мастерской? У него там есть большое средневековое кресло, и я села так, что меня и видно не было, а он все это усек — он очень неглупый человек — и после где-то написал: "Она настолько не хотела со мной разговаривать, что даже спряталась!"

— Но кто-то из поколения Глазунова вам близок?

— Среди шестидесятников есть очень много интересных художников, которые останутся в истории русского искусства. Я работала с этими людьми, делала им имя.

— И делали имя себе. Кстати, Бестужева — это псевдоним?

— Нет, фамилия моего отца. Он относится к этому известному роду, но я никогда не искала своих корней.

— Вы москвичка?

— Жилардиевский особняк на Суворовском бульваре знаете? Дом журналиста, потом два таких здоровых дома, а следом — он. Вот там я родилась, выросла и прожила 35 лет, пока Музей восточных культур его у нас не оттяпал...

— Родители ваши были связаны с искусством?

— Мама была актрисой, но папа это дело быстро пресек, и она стала просто мамой, меня воспитывала. Она была необыкновенно красива, на улице на нее просто оборачивались. У меня и отец был красавец, я, знаете, как-то не попала в эту струю... И в четыре года мама отвела меня в Третьяковскую галерею. Я помню, как будто это было вчера... Мама меня регулярно водила в Большой театр. Ну подумаешь "Конек-горбунок", а от Третьяковки я испытала потрясение. Это абсолютный факт! Меня потрясли там не "Три богатыря", не "Аленушка", я была покорена Суриковым, невиданным и мощным. Я застыла перед пейзажами Куинджи, которого позже не очень жаловала, но он гениальный художник. Любовь к искусству у меня с детства, и с детства я пропагандирую изобразительное искусство. Устраивала в школе лекции "с картинками", репродукции собирала...

— А как вы оказались на ТВ?

— Случайно. Я на телевидении — одинокий волк. По образованию — искусствовед, кандидат наук. Работала в музее, но мне — по характеру, по темпераменту — этого мало. Увлечлась работой на радио, поступила в литдрамвещание, после перешла на "Маяк".

— По радио о живописи рассказывали?

— Да, причем в информационном жанре. Чрезвычайно увлекательное занятие! И трудное. Ведь сделать материал на три минуты или даже на полторы сложнее, чем написать статью на пять страниц... А из "Маяка" вместе с Юрием Летуновым перешла в программу "Время".

— И своим художникам не изменяли?

— Я могу сделать любой материал. Могу поехать на завод, но мне это неинтересно. Я всегда была немного зажатым человеком, кабинетным. Сегодня я гораздо раскованнее, и не только потому, что есть опыт...

— Со своим опытом и авторитетом чувствуете ли вы себя сейчас защищенной на ТВ?

— Я никогда не считала себя телезвездой, и в этом счастье моей жизни, я абсолютно нечестолюбива. Сейчас жизнь такая: а кто защищен?! На телевидении сегодня все очень сложно, подчас непонятно. И судьба каждого непредсказуема.

— Вас когда-нибудь отстранили от эфира?

— О, много раз. Искусство — это тоже политика, политика в высоком смысле этого слова. Меня прищучивали: не тот вопрос задала или мне не так ответили. Меня неоднократно вызывал "на ковер" Лапин. Ко мне всегда хорошо относились как к корреспонденту, поскольку я и много работала, и честно, а поэтому говорили: "Ты отстранена, но будешь работать, только не в кадре". Помню, я показывала какие-то ценные вещи из Архангельска, уникальные книги и камера шла по этим книгам, по моим рукам и заканчивала свой путь на уровне груди. Голову не показывали.

— Многие жалуются, что современное телевидение — это духовный СПИД, за силье масс-культуры, "развлекаловки". Что мир могут спасти передачи о прекрасном. Вы ооогласны?

— Может быть, я и не права, но сейчас получасовые авторские программы о культуре никому не нужны. Время сменилось, ритм сменился, и совершенно невозможно представить себе человека, полчаса следящего не за детективной интригой, а за рассказом о каком-то музее. Разумеется, найдется круг людей, но очень маленький. Большинству нужна информация.

— Телевидение — это искусство?

— Конечно. Сложное, синтетическое и очень молодое, ему еще формироваться и формироваться.

— Светлана Константиновна! А как вы относитесь к перформансам? Ко всем этим Куликам и Бреннерам, которые хулиганят в музеях, галереях и на примыкающих к ним территориях?

— Это явление жизни. Временное явление. Существует и пусть себе существует. Вы молоды и не знаете, что мой дядя, например, позже академик, очень крупный ученый, в 19-м году ходил по столице нашей родины голым с лентой "Долой стыд". Это тоже явление времени. Ну и пусть себе играют. Я только категорически возражаю, когда... я забыла, какая это была галерея, где резали поросенка?..

— "Риджина".

— Да, в "Риджине". Это же на грани идиотизма! Я просто не переступлю порога этого помещения, пока там работают те люди, которые резали поросенка!

— Какое место на земле, на ваш взгляд, человек должен посмотреть обязательно?

но, у каких шедевров посто-
ять?

— Я себе поставила цель: посмотреть все крупнейшие музеи мира, и я их посмотрела. Много раз была в Италии, причем прицельно, чтобы посмотреть те или иные музеи. Интеллигентному человеку необходимо побывать и в Италии, и в Греции, чтобы приобщиться к истокам культуры. Если бы кто-то смог, это была бы очень большая школа.

— Да, но, к сожалению, иногда в этой "школе" очень много равнодушных и случайных учеников. Помню, как в Лувре стайки беспрестанно фотографирующих японцев помешали мне побыть наедине с "Джокондой"...

— Сочувствую, я с "Джокон-

дой" много раз была один на один. Когда ее привозили в Москву, я встречала эскорт, была единственным журналистом, который присутствовал при вынимании картины из контейнера.

— Боюсь, у определенной части публики наш разговор вызовет раздражение: не до жиру, не до музеев, за квартиру платить нечем!

— Вы знаете, в нашей семье никогда не было больших денег, нет их у меня и сейчас, но это не причина обеднять свою душу. Моя мама, которая умерла два года назад, когда ей было 92 года, в 80 лет все еще ходила в театр. Причем она не спрашивала у меня, куда пойти, наоборот, она мне говорила: "Ты знаешь, это обязательно надо посмотреть!"

197